

В ПЕРЕДАЧЕ «Монолог», показанной по московской телепрограмме, почти каждое слово почему-то годится для заголовка. «Место встречи изменить нельзя». «Я не люблю фатального исхода».

— Извините, я дорвался до экрана.

— Я очень серьезно готовился к этой встрече.

— (Песни) предназначены для близких друзей.

— (Пишу) от первого лица.

И так далее. Заголовок набирается крупным шрифтом, содержит какой-то итог, обобщение, образа, а тут любое слово — итог, обобщение, образа. Самые обычные, бытовые слова Владимира Высоцкого по пути с экрана к нам трагически укрупнены. Мы знаем чем — его кончиной, нашей болью. Трудно отделаться от мысли, что почти любой наугад кадр, чуть не всякое слово здесь пророчесуется.

Он как-то особенно, подчеркнута жив в этой старой записи. Вообще-то человек на экране, обладая какими-то недостижимыми для нас правами (ну хоть одновременно привлекать всеобщее внимание), каких-то других прав, вполне доступных любому из нас, лишен. Он не имеет права на ошибку, на сбивчивость, на черновое поведение. Он заключен в строгие рамки безупречности и уже его отдален от нас, ничуть не безупречных.

Но это вообще. Этот человек на экране поет песню «Мы вращаем землю».

— Отбирать наши пяди и крохи...

Сильнее сказать нельзя. Герой не жалуется, но нас острая жалость к тому солдату, ко всем нашим людям, вынесшим тяжесть войны, вынесшим.

— Но мы помним, как солнце отправилось вспять.

И едва не зашло на востоке.

Это очень сильный, красивый, рассчитанный образ. А та, предшествующая строчка, наверное, подрифмовка, она сказала сама собой, и вот она еще сильнее в своей беззащитной простоте.

Но тут вдруг Владимир Семенович опускает гитару. Идет к стене. Молчит. Собирается с мыслями. Возвращается, начинает с самого начала, с повтора вступления: «Я хочу показать вам...» И дойдя до того же самого места, снова срывается.

Нам по-настоящему страшно за него. В этот момент мы просто не знаем, сумеет ли он в конце концов спеть ее до конца.

Нас, привыкших получать готовый, уже бестрепетный результат творчества, вдруг, как за шкирку бросили в пучину самого процесса. Можно кучу слов наговорить о трудности, мучительности настоящего искусства, но как дать все это ощутить почти на себе?

Живому исполнителю, мы понимаем, такого бы не позволили, просто отсекали бы пробные попытки, не зря же он каждый раз начинает со вступления: мол, отрежьте все, что было, и начните отсюда.

Но Ксения Маринина (автор той давней записи) не слушает указаний певца. Она теперь лучше знает, что нам

нужно и дорого. Теперь прикосновение ножниц к живому телу творчества было бы кощунством..

Ей некогда и нет надобности говорить словами о своей любви к герою. У нее в руках куда более сильное оружие: телевидение.

И когда он кончит свой концерт - монолог, возьмет куртку и двинется из кадра, невидимая К. Маринина останавливает его еще на мгновение и нехотя отступает медленно. И тут неизвестно откуда взявшийся микрофон вдруг опустится до самой земли, как бы поклоном прощаясь с ушедшим.

Настала, наверное, пора сказать мне, как я отношусь к телевидению. Оно — чудо и счастье. Сегодня, когда человек может войти к нам в дом, смущенно улыбнуться и сказать: «Я очень серьезно готовился к этой встрече» —

он все-таки не так, меньше умер, чем его великие предшественники.

Нет никаких назойливых чудес видеомонтажа. Камера неотрывно и неподвижно смотрит на него, как смотрел бы самый близкий человек, зная непоправимую новость. Эта потрясенная бедность средств абсолютно достойна своего сюжета.

— Авторская песня, — объясняет нам, участвуя в самых нынешних наших спорах, Владимир Высоцкий, — это стихи, исполняемые под музыку.

И рассказывает, что это требует очень большой работы. Если на одну чашу весов положить театр, кино, радио, телевидение и даже все исполнителские концерты, а на другую только сочинение этих песен — эта, вторая, по трудности перетянет.

У него странное, очень притягательное лицо. Вот так, в таком повороте — какая-то домашняя, детская складка губ. А вот так, и в этой короткой прическе он напоминает какую-то древнюю скульптуру, скорее не греков, а жестких и несентиментальных римлян.

МОСКОВСКАЯ программа меняется на наших глазах. Все ТВ меняется, но ускорение на нашей, городской программе заметно выше. Там не менее все эти выражения («на наших глазах», «заметно») пока еще в значительной степени условны. Мы еще не приучены первым делом смотреть: а что у нас?

Тут мало набирания очков. Нужны какие-то решающие, нокаутирующие удары, и не один, а серия. Мы с вами должны гордиться своим городом не на словах, это как раз некрасиво, а скромно, про себя, мы никому и не скажем, только чуть-чуть улыбнемся, когда хвастаться будут другие. И нашим телевидением тоже. Чем-то смелее и интереснее «Ринга»,

«Монитора» и т. д. Первое серьезное доказательство того, что так вполне может быть, в новом году нам дано.

О чем же, как не о Москве мы все время думаем «В гостях у журнала «Огонек» (Режиссер И. Мисьявичус)? Раньше проблемная, деловая страничка вряд ли вообще бы появилась в подобной передаче. Теперь без проблемы на люди показаться неприлично — складывается новый стиль эпохи, — и она открывает передачу. Первые этажи в центре Москвы надо освободить от всяких невероятных контор (название не запомнишь и с экрана списать не успеешь. Вообще, вы заметили, чем меньше учреждение, тем длиннее название) и устроить там десятки всяческих заманчивых кафе, в том числе, вероятно, и семейных.

Об этом говорят с конторскими начальниками, и один

серьезный, вздумчивый человек и блистательный музыкант, маленькая Полина Осетинская импровизирует на тему из экологического джаза Пола Уинтера, Автор темы — кит-горбач. Называется опус «Кольбельная, которую поет Великая Мать Китиха новорожденным малышам-тюленям».

В. Золотухин опять читает В. Высоцкого, а В. Гордеев, знаменитый в мире балета, дружелюбно рассуждает о вчера еще жутком для многих брейке.

Что же тут страшного? О страшном послушайте академика Б. В. Раушенбаха. Если система космического вооружения страны А, даже абсолютно безупречна (чего не бывает), и аналогичная система страны Б тоже — то все-таки система А+Б неустойчива. Что это значит? Борис Викторович разъясняет еще популярней: или люди уничто-

но прав: музей самим фактом своего существования как бы обличает равнодушные и бездеятельные, особенно если они рядом.

— Почему тут колючая проволока? Собаки?

Ему говорят о хулиганах — никакого впечатления.

— Может быть, охрана музея — это ваша проблема? — интересуется корреспондент.

Молчание. Неизвестно, трудно ли тов. Климову бороться с преступниками? С доводами, аргументами — очень трудно. Но он явно не из тех, кто боится таких трудностей.

Меня бы не удивило, если бы местные органы, в том числе охраны порядка, стали бы утверждать, что не пьяные хулиганы били девушек, как об этом рассказывал один из прежних сюжетов, в наоборот, агрессивные девушки затравили бедных хулиганов. Да и мальчик рассказывал о том, что видел, в камеру... Где теперь мальчик? Как это его избил и выжили за то, что он осмелился понадеяться на нас с вами, дорогие сограждане? Почему молчит молодежь?

И вот назавтра в Балашихе наконец митинг. Нам его показывают — хотя я, признаться, не удивился бы, если бы узнал, что были приняты гигантские усилия, чтобы сорвать передачу. Тем не менее — вот она, опять по московской программе, отметим мы. У «молодой» программы явно есть характер!

Этот митинг в помощь горькому комсомола. Даже, если честно, он поднимает важные проблемы вместо горькома, за него. Как говорит Э. Сагалаев в своем вступлении, не надо ждать, когда такие проблемы начнут решаться стихийно.

Две тысячи человек собрались на площади. Ну и что? Что мы митингов не видели еще более массовых?

Но этот — не такой. Они собрались, не чтобы слушать, а чтобы сказать. Они тянутся к микрофону. А ведущий, автор всей этой серии Владимир Мезенцев по инерции забрался на постамент, откуда удобно говорить самому. Слушать же — менее удобно.

И вот он принужден наклоняться к ним, протягивая микрофон. Становиться на колени. Ничего, главное не в этом. Главное — что люди сказали о наболевшем, о том, что их интересует, о том, каковы их мечты и пожелания. Они, наверное, хорошие ребята, хотя говорить им порой трудно. Нет привычки. («Все дискотека... отплясали и ушли. А нам можно в перерыве мультимедиа показать») Чувствуете уровень?! Они, например, патриоты своей Балашихи, и так и должно быть.

— А почему, — кричат они, — вы не говорите о том хорошем, что у нас есть? Вот, например, у нас есть музей кузнечного искусства!

И тут я, воспользовавшись тем, что о музее я уже знаю целые сутки, решаю наконец завершить эти размышления.

МОСКВА ТЕЛЕВИЗИОННАЯ

жат ядерное вооружение, или оно их, третьего не дано.

Страшно бывает в космосе, рассказывает космонавт Г. Гречко. И потому не надо бояться рассказывать об этом на Земле. Вот кто из вас, задает он писателям убийственный по силе вопрос, кто из вас возьмется написать образ героя, у которого все хорошо и нет никаких трудностей? Как же мы узнаем, что он герой? Поверим вам на слово?

Вот она какая, наша Москва. Вернее, вот какой она хочет быть и видеть себя. Непарадной. Искренней. Честной. И в равной мере это относится, конечно, к Подмосковию.

ИТАК, вслед за редакционной комнатой в «Огоньке» «Мир и молодежь» отправляет нас в хорошо знакомую Балашиху.

Там, знаете, есть отрадное явление! Музей кузнечного мастерства. Причем не простой музей, а музей-клуб. Там девиз: «руками трогать». Там учат делу, возрождают забытые трудовые и, значит, культурные традиции. Правда, чудесно?

Одна беда: бездельничающие хулиганы (опять-таки знакомый местный мотив) все норовят залезть туда, чтобы сломать, испортить. Приходится загоразиваться от них колючей проволокой. Хотя вообще вход свободный, они туда, где свободно, не идут. Такой вот парадокс.

По счастью, появляется майор милиции товарищ Климов. И не простой майор, а ответственный за политико-воспитательную работу. Зрительно страшно хочется обрадоваться, но он не успевает: майор пришел сюда бороться не с хулиганами, а — с музеем. Простите, то есть за них?

В чем дело? Музей не зарегистрирован, у него нет таблички.

— Нужно ли в такую форму это облекать? — строго спрашивает он. И он случай-

Андрей Вознесенский рекламирует «Аквариум» и Б. Гребенщикова, но с особым чувством читает пронзительные стихи В. Ходасевича: таково новое, вслед за Н. Гумилевым, знакомство журнала и наше с забытыми страницами нашей, видимо, не самом деле, лучшей в мире поэзии.